

Арина Ларина

Пляжная охота

С улыбкой
о любви

Арина Ларина
Пляжная охота
Серия «С улыбкой о любви»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3744375
Пляжная охота : роман / Арина Ларина: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-57391-2

Аннотация

Что делать, если любимый человек оказался изменником? У Аси на этот счет уже есть решение – конечно же, нужно срочно лететь на море! И не беда, что лучшая подруга Женя хочет поплакать в одиночестве по поводу разрушенной жизни. Ведь Ася лучше знает, как нужно залечивать сердечные раны, да и сама она не прочь подправить свою личную жизнь.

А на море их уже ждут такие приключения, которые Ася не могла представить себе даже в самых смелых мечтах! И обязательно пляжные романы! А вот найдут ли подруги настоящую любовь – это зависит только от них...

Арина Ларина

Пляжная охота

Апрельское солнце било в лобовое стекло бесшабашно и хулиганисто, растекаясь невесомым золотом по салону. Голубое небо лучилось простодушием и позитивом, приглашая бросить все дела и босиком мчаться за весной. Или куда там бегают в период гормонального всплеска романтики, оптимисты и шизофреники? Навстречу любви?

Саша представил, как, задрав брюки, он легко выпархивает из машины и, эффектно зависая в прыжках, несется по лужам. Прочь от угрюмого, лобастого пассажира, вальяжно расположившегося рядом.

– Это просто выжившая из ума старуха, – причмокивая сочными, блестящими губами, вкрадчиво вещал лобастый. – Ей без разницы, где помирать. От тебя требуется лишь немного помочь нам, и все! Пятьдесят штук – твои. Тебе же нужны деньги, я знаю. Ремонт, кредит, жена красавица... – пассажир снова омерзительно шлепнул губами и улыбнулся, обнажив белоснежные, крепкие зубы.

– Приятно было пообщаться, – вздохнул Саша, поморщившись. – Сожалею, но ваше предложение не принято. Всего наилучшего.

Он уверенно перегнулся через круглые, обтянутые тертыми джинсами колени пассажира и распахнул дверь.

– Тебе того же, – ухмыльнулся лобастый, ничуть не расстроившись. – Не прощаюсь. Свидимся еще. – Он лениво сплюнул и неторопливо вышел из машины.

– Урод, – процедил Саша, рванув с места. – Не прощается он...

День не заладился с утра. Едва проснувшись под настырное пиликанье будильника, Александр Белогорский понял, что сегодня все пойдет наперекосяк. Часы показывали шесть.

– М-м-м, – простонал он и рухнул обратно на подушку. А ведь такой дивный сон снился. То ли что-то тропическо-эротическое, то ли рыбалка, в общем, во сне было лучше, чем в реальности, залитой солнцем. Не хватало только петушиных криков и коровьего мычания. Началось в колхозе утро...

Саша грустно вздохнул, зевнул и пошевелил сладко сопевшую жену:

– Кать, ты зачем часы перевела?

– У меня йога, – пробормотала супруга, натянув одеяло на голову и замотавшись в него, как в кокон. – Надо встретить восход солнца в правильной позе.

– Самая правильная поза перед восходом – эмбриональная, то есть калачиком, – с обидой заметил он. – И почему йога у тебя, а просыпаться должен я?

– Чтобы мне не было обидно и скучно, – донесся затихающий голос Катерины. Вероятно, она благополучно отбывала в царство Морфея. Катя всегда была такой – загоралась вся-

кими неожиданными идеями и быстро теряла к ним интерес.

– Вставай, йожка моя, – ласково толкнул ее Александр. – Рассвет уже был. Раз ты все равно его проспала, давай хоть правильную позу примем.

Жена молча брыкнула ногой, ощутило заехав ему по бедру, и еще крепче замоталась в одеяло.

– Свинство какое, – вздохнул Саша, пытаясь заснуть.

В голову уже полезли рабочие мысли, назойливыми мухами отгонявшие сон. В десять он должен был встречаться с неким Валентином по поводу продажи одной из квартир. Квартира была очень дорогой и страшно запущенной. Проживала там эксцентричная и многогранная, как эксклюзивный бриллиант, бабулька, не внушавшая Белогорскому доверия. Такая клиентка запросто могла передумать, слечь с инфарктом или вообще выйти замуж. Звали это ветхое, но энергичное создание Анна Борисовна Зевс. Одной только фамилии было достаточно, чтобы относиться к клиентке с настороженностью. Всякие Ивановы, Невтюхайло и Фуфельманы обычно покорно собирали документы и относились к предстоящей сделке серьезно, досконально проверяя каждую букву в договоре и ежесекундно ожидая, что их кинут. А подобные божьи одуванчики, не глядя подмахивавшие все бумажки, манерно cedившие «кофея» из мейсеновского фарфора и разглагольствовавшие о дайвинге, прыжках с парашютом и паломничестве на озеро Тити-Кака, были непредсказуемы, как траектория полета фантика в ураган.

И словно в подтверждение Сашиных опасений на горизонте появился Валентин, у которого имелась конфиденциальная информация по мадам Зевс.

«Не иначе – родственник какой-нибудь со справкой о бабкиной невменяемости», – пугался Александр, заранее настроившийся на негативный исход встречи. Если бы Валентин мог сообщить что-нибудь хорошее, то сделал бы это по телефону.

– Черт знает что, – вздохнул Белогорский и поплелся в душ.

– Сегодня день «паук», – сморщив хорошенький носик, заявила за завтраком Катя.

– Слушай, мне нынче не до этого мракобесия, – пробурчал Александр.

Супруга ежедневно раздражала Сашу своими гороскопическими выкладками, вычитанными в Интернете, и, словно нарочно, зная его отношение к астрологии, подробно вещала про всякие космические глупости.

– Ну и дурак, – привычно отреагировала жена. – Надо прислушиваться к умным людям и жить в соответствии с ритмами Вселенной, а не в противофазе. Иначе мировая гармония сдует тебя, как вентилятор муху.

– Спасибо на добром слове, дорогая! Только мне всегда казалось, что гармония не бывает ни с кем в противофазе.

Катя сморщила гладкий лоб, пытаясь переварить его замысловатый довод. Воспользовавшись паузой, Белогорский

чмокнул притихшую супругу в душистую щечку и отбыл на работу.

– День «паук», – усмехнулся Александр, вспомнив мерзкую рожу пассажира.

Нет, смешно даже думать о том, что он испугается какого-то мелкого жулика, клоуна, изображавшего «крестного отца»! Что ему сделает этот губошлеп с водянистыми глазами и гаденькой ухмылкой? Да ничего! Это же надо, что придумал – кинуть старуху. И как? С его, Сашиной, помощью.

– Бабка хочет домик в деревне? Смотреть не поедет? Фото видела? Ну, так и пусть отправляется на природу. Я же не предлагаю ее закопать, – добродушным шмелем гудел Валентин, сыто поглядывая на обалдевшего Белогорского. – Кругосветное путешествие она захотела! Пусть по телевизору мир посмотрит. Это дешевле и безопаснее для ее дряхлого организма. А то, что домик не в получасе езды от города, а в соседней области, и на картинку не похож, это не наши проблемы! Надо было проверять перед покупкой. Восемьдесят лет прожила на свете, а так и не поняла, что людям верить на слово нельзя. Таких нужно учить, чтобы лохов было меньше. Согласен?

Александр покачал головой. Анна Борисовна Зевс поверила ему, поскольку Сашина репутация была кристально чистой, а не потому, что была наивной, выжившей из ума маразматичкой. И обманывать участницу «Куликовской битвы» – это как родственникам деньги под проценты давать –

непорядочно.

От общения с Валентином осталось ощущение гадливости. Словно вляпался рукой то ли в соплю, то ли еще во что-то, а вытереть нечем.

Саша Белогорский был человеком порядочным и законопослушным. Он переходил улицу исключительно на зеленый свет, соблюдал правила дорожного движения, уважал старших и не нарушал законы. И вовсе не потому, что боялся ответственности. Он просто был уверен, что таким образом облегчает жизнь себе и окружающим.

– Если все станут следовать букве закона, – объяснял он Кате, – то тогда мы перестанем возмущаться, что живем в такой стране. Мы сами себе все портим, а первых шагов ждем от других. Начинать надо с себя. Если не плевать под ноги, не выбрасывать бычки и обертки мимо урны и не парковаться на тротуаре, то не придется ругаться на криворуких дворников и лезть на проезжую часть, чтобы попасть в ближайшую булочную.

Катерина считала его идеалистом и злилась. Она была уверена, что риелторский бизнес при менее щепетильном отношении к действительности мог бы вознести их на вершину финансового успеха. Все вокруг гребли под себя, а ее муж строил какие-то идиллические модели существования общества и прятался за розовыми очками.

Если природа сделала тебя блондинкой, дала шикарную фигуру, красивое личико и немного мозгов, то ты имеешь

право распоряжаться этим капиталом, вкладывать его и требовать адекватных процентов за использование. Все логично. И Катюша свои проценты требовала. Другое дело, что муж, выражаясь фигурально, явно недодавал. Он был уверен, что люди женятся по любви и живут без оглядки на расчеты, кто кого любит больше, а кому просто сделали одолжение. Кстати, намеков супруги, что ему сделали одолжение, Саша не понимал. Ха-ха. А когда мужчины понимали намеки? Они и прямые послы улавливают с трудом, если, конечно, это не предложение отправиться на футбол или в бар. Тут скорость реакции зашкаливает.

Но Катерина считала, что муж обязан понимать, какое сокровище ему досталось. Тем более что сокровище ему досталось не только в переносном смысле, но и в прямом. Приданым молодой жены было сказочной красоты ожерелье с семью крупными бриллиантами. Правда, золото слегка потускнело, а замочек требовал ремонта, поскольку лет этому ожерелью было немало. Оно передавалось в семье из поколения в поколение аж со времен царя Гороха. Вместе с ним передавалась и трансформировавшаяся из века в век легенда, согласно которой эту очаровательную вещицу то ли царь Петр подарил одной из своих многочисленных возлюбленных, то ли богатый заморский купец таким образом организовал перемирие с тещей. В общем, результат стараний ювелиров теперь принадлежал Катерине Белогорской и хранился в банковской ячейке. На банке настоял Саша, абсолютно

не понимавший, почему такую дорогую вещь нужно непременно таскать на себе.

– Куда? Куда ты в нем пойдешь? – восклицал он в ответ на претензии разъяренной супруги.

– Вот именно! Ты меня никуда не водишь! – топала ногами мадам Белогорская. – Зачем оно вообще нужно, если никто не знает, что оно у меня есть! Красивая вещь нужна для того, чтобы ее носить!

– Это не красивая вещь, а капитал, – возражал Александр. – Это история, память! В конце концов, я не хочу, чтобы тебе из-за этой побрякушки свернули шею. И если тебя волнует, что никто не скривится от зависти при виде твоего богатства, так можешь не переживать – твоя мама с такой помпой обставила дарение раритета, что все гости, которые были на свадьбе, в курсе. Кстати, именно из-за этого и пришлось сдать ожерелье в банк. Не хватало еще, чтобы нас ограбили.

– Ты скучный, нудный и пресный, как сухарь для диабетика! Жизнь – это праздник! Она дается один раз, и прожить ее надо феерично, – заламывала ручки Катюша, планировавшая плыть по волнам времени не на утлой семейной лодочке, а на белой яхте. И плыть она собиралась не по какой-то там мелководной речушке с елками и кустиками, понатыканными вдоль глинистого берега, а по бескрайнему бирюзовому океану.

Саша к страданиям жены относился спокойно и ждал, по-

ка жена поумнеет и поймет, что он прав.

Мужчины редко приходят к согласию с женщинами. Они априори считают себя правыми и вместо того, чтобы найти с партнершей общий язык, великодушно ждут, пока даме надоест препираться, и она наконец сдастся. Удивительно, но дамы ждут того же. И как при таком раскладе эти противоположающиеся лагеря умудряются заключать перемирие, сосуществовать бок о бок и даже рожать детей – загадка.

– Меня кинули! Ки-ну-ли! Обвесили, как раззяву на рынке. Я так считаю: если ты женился на королеве, то должен соответствовать! Держать планку! А он ее не просто опускает, а давит ею мне на темечко и заставляет приседать! – делилась с подругами Катерина.

Подруги соглашались. Конечно, не факт, что в душе они считали ее королевой, но не ссориться же из-за побочных мелочей.

Дом Анны Борисовны Зевс нависал над проспектом, словно нос гигантского ледокола, – массивно, высокомерно и неотвратимо. Былое величие кое-где облупилось, царственный фасад местами изуродовали аляповатые вывески, а пластиковые оконные проемы точно бельмо старого пирата тарасились на мир непрозрачными стеклами. И только на пятом этаже потемневшие деревянные рамы выбивались из современной вакханалии шика и блеска. Именно там проживала эксцентричная старушка, на старости лет вознамерившаяся продать родовое гнездо.

Она была удивительной, очаровательной и пугающей, как Бермудский треугольник. Обычно старики категорически не желали покидать насиженные места и своим консерватизмом мешали молодым жить, дышать и размножаться, как требовала демографическая политика правительства. Молодежь не желала жить коммунами, требуя раздела и уединения и обещая непременно навещать. Старшее же поколение не верило, что его станут навещать, и не понимало, зачем разъезжаться, когда так здорово каждый день видаться в коридоре, в кухне, в ванной комнате и вообще – жить семьей, пусть даже из десяти-двадцати человек. Зато не скучно! Ключевая фраза: «Вот помру, тогда и делайте, что хотите!» Фраза являлась талантливейшим психологическим ходом, поскольку никто не отважится высказать вслух опасение, что некоторые до ста лет живут и благополучно успевают похоронить не только детей, но и внуков. А вдруг... Нет-нет, дай Бог здоровья, но все же... Уж лучше разъехаться!

У мадам Зевс никакой родни, торопившей ее на кладбище или просто – на свежий воздух, в далекий колхоз, не было. Муж имелся, но было это давным-давно. Так давно, что Анна Борисовна не могла даже вспомнить, в каком году похоронила выпивавшего и погуливавшего супруга. С тех пор она жила ярко, весело и насыщенно.

– Сашенька, друг мой, – ворковала бабулька, деликатно удерживая наманикюренными лапками хрупкую фарфоровую чашечку с кофе, – жизнь так коротка, а мне надо столь-

ко всего успеть! Я, скажу вам по секрету, вообще-то не планирую доживать в деревне. Это уж так – на случай, если воплосу в жизнь все задуманное. Но у любого человека должно быть место, куда он может вернуться. Пусть эта избушка станет таким местом.

Избушкой Зевс именovala аккуратный коттедж недалеко от города, который планировалось приобрести взамен хоро́м, где они и вели с бабкой утомительные интеллектуальные беседы. На сдачу от продажи помещения Анна Борисовна собиралась посмотреть мир и нахлебаться экстрима по самую заколку, скреплявшую жидкий пучок волос на макушке. Этот пучок делал мадам Зевс похожей на бывшую балерину. Сходство дополняла длинная шея, гордая посадка головы и прямая спина. Если бы Саша просидел в такой позе хоть полчаса, то у него свело бы мышцы. В детстве бабушка с криками «Не горбись! Сядь прямо!» заводила ему локти за спину и просовывала через них бамбуковую палку – часть папиной удочки. Маленький Шурик выгибался, как коромысло, и страшно веселился, норовя сшибить палкой хоть что-нибудь. Анна Борисовна в «позе коромысла» существовала вполне комфортно безо всякого бамбука.

Клиенткой она была нетребовательной и простодушной.

– За восемьдесят лет... Да-да, мне восемьдесят, и я не собираюсь кокетничать, убавляя свой возраст. Согласитесь, это в сорок женщине имеет смысл врать, что ей тридцать, надеясь услышать наглую ложь, мол, а выглядите вы на два-

дцать. На подходе к вековому юбилею плюс-минус десять лет уже не имеют значения. Потому что фраза «Да что вы, семьдесят? А выглядите на шестьдесят!» на комплимент все равно не потянет. Скорее это будет хамством! – Анна Борисовна жизнерадостно захохотала, продемонстрировав белоснежную вставную челюсть. – Так вот, дружочек! За столько лет я немного научилась разбираться в людях. И вам я доверяю абсолютно и безоговорочно, так что не мучьте меня подробностями и не трясите документами. Я по глазам вижу, что если меня в Тихом океане не сожрут акулы, не затопчут на бразильском карнавале, не забодают на корриде, если я не вывалюсь из корзины воздушного шара, не запутаюсь в стропах парашюта и не разобьюсь на квадроцикле, то непременно приеду доживать в этот домик, впечатление от фотографии которого вы постоянно норовите подпортить какими-то выписками, актами, кадастрами и свидетельствами. Уймитесь и съешьте конфетку. Кстати, эти конфеты мне привезла подруга из Швейцарии. Настоящий швейцарский шоколад. Хотя наш шоколад гораздо вкуснее. Но гостям положено пускать пыль в глаза, поэтому ешьте. В жизни надо попробовать все.

И вот это милое создание лобастый Валентин предлагал кинуть, выселив в медвежий угол, где даже телефон не брал! А «сдачу», на которую Анна Борисовна собиралась попробовать все, Валентин планировал поделить.

Стоило признать, что мадам Зевс разбиралась в людях.

Александра начинало мутить от одной лишь мысли, что он обманет божий одуванчик и лишит его счастья побегать от быка на корриде или сигануть с парашютом, огласив поднебесье истошным радостным визгом. Да как после такого жить? Как смотреть в глаза если не Кате, то хотя бы своему отражению? Бабушка всегда говорила, что любую копейчку надо заработать своим трудом. Он краденого да найденного добра не жди.

«И где только этот моральный инвалид телефон мой раздобыл?» – с отвращением размышлял Белогорский, тщательно вытирая ноги у входа в подъезд. Сегодня он должен был взять у Анны Борисовны очередную порцию подписей. Наверняка старушка уже ждала его, сварив свой фирменный кофе. Вспомнив про конфеты, Саша повеселел.

– Вы сейчас тут ямку протрете, – раздался звонкий девичий голос у него за спиной.

– Что?

– Я говорю, ямку протрете. Потому что дырка тут уже есть. Надеюсь, это не вы наш коврик изуродовали.

Девушка, похожая на встрепанного воробушка, лукаво смотрела на него, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Короткие темные волосы торчали в разные стороны в веселом беспорядке. То ли барышня эту очаровательную прическу делала у хорошего парикмахера, то ли забыла причесаться. Такие синеглазые брюнетки всегда казались ему торжеством фотошопа над здравым смыслом. Оказывается, и в ре-

альности подобное чудо существовало.

С трудом оторвавшись от созерцания ямочек на ее щеках, Белогорский посмотрел под ноги. Стоял он ровно посреди-не внушительной дыры в коврике и шаркал подошвами по бетону.

– Нет, не я, – засмутился он, торопливо шагнув в сторону и стыдливо отпихнув ногой останки половичка.

– А вы к Анне Борисовне?

– К ней. А что?

– Ничего. – Девушка пожала плечами. – Жаль, что уезжает. Она замечательная. Надеюсь, вы ее не обманете. Это вы занимаетесь продажей ее квартиры?

– Разумеется, не обману! У нас приличное агентство! – запальчиво воскликнул Белогорский. Сдать, что ли, этого Валентина в полицию? А то совесть замучила. Не самому же с ним разбираться.

Но полиции, ранее именовавшейся милицией, Александр не доверял. У него был печальный опыт общения с представителями органов правопорядка, после которого Белогорский твердо решил, что это будет последнее место, куда он обратится в случае возникновения проблем. В общем, проблемы у него возникли, а решать их было некому.

Раскланявшись с девушкой, оказавшейся соседкой Анны Борисовны, Саша угодил прямиком в объятия истосковавшейся по общению бабульки. Радостно воркуя, она утянула риелтора в гостиную.

Разумеется, на столе были кофе и конфеты.

– Сюрприз! Я дома! – крикнула Женя в глубь квартиры и, подпрыгав ногами, сбросила туфли. – Эдя, меня сегодня раньше отпустили! Можем устроить романтический ужин или поход в ресторан. Ау! Ты что молчишь? Умер от счастья?

Судя по тишине, наполнявшей жилище, Эдуард либо умер от счастья, либо отсутствовал.

– Наверное, на заказы уехал, – пробормотала Евгения. – Ну и ладно. В ванне полежу.

Евгения Лебедева была девушкой позитивной и в любой ситуации умела найти что-то хорошее. Вернее, почти в любой. Иногда в жизни возникают такие ситуации, в которых позитива не больше, чем бананов на осине. Проще сказать, бывают моменты, которые позитивными не назовешь.

– Ёшкин кот! – Женя вздрогнула, словно наткнувшись на препятствие, и замерла на пороге комнаты. Нервно сглотнув, она аккуратно ущипнула себя за тонкую руку и нервно хихикнула: – Не сплю.

И тут еще теплившийся в глубинах подсознания оптимизм окончательно помахал ручкой и с тоскливым свистом улетел в заоблачную даль. А Жене стало плохо. Причем не наигранно плохо, когда барышня машет перед лицом ладошками и щебечет «Ах, мне дурно!», а вполне натурально. Ее замутило, ноги стали ватными и предательски подогнулись.

Постель была разобрана, на сервировочном столике красовались бокалы и грязные тарелки с остатками фруктов и

чего-то еще. На одном бокале грязным пятном размазался след яркой помады. Издав сдавленный стон, Женя ринулась в ванную комнату. Там было еще живописнее. На полу валялись полотенца, а полочка с ее косметикой выглядела, как витрина после распродажи, была почти пуста.

– А-а-а, – прошептала Женя, содрогаясь от омерзения. Так ужасно она чувствовала себя, наверное, только один раз в жизни. Когда в детстве на даче сунула руку в дупло, а из темноты по рукаву ее кофточки, ловко перебирая лапами, метнулся огромный паук.

Полотенце на полу было еще влажным. Она отшвырнула его, вздрогнув, словно вляпалась во что-то отвратительное.

– Что это? Что? Как? – беспомощно пискнула в пространство Женя. Даже голос был каким-то чужим.

Здесь теперь все стало чужим. В ее доме, гнездышке, где она выросла, где знала каждую трещинку, каждую выбоинку на кафеле, случилось нечто чудовищное. Здесь была чужая женщина. Она надругалась над Жениным домом. Она спала на Женином белье, трогала вещи, вытиралась ее полотенцем. Да ладно, что там. Она явно и Эдиком попользовалась. Женя собиралась жить с ним долго и счастливо, хотя устала ждать предложения руки и сердца.

– Так не бывает. – Женя откашлялась и брезгливо отступила.

Белье и полотенца можно выкинуть. Ладно, не можно, а нужно. И даже не жаль, потому что если и постирать, то все

равно она не сможет ими никогда воспользоваться. Косметику можно купить. Полы помыть... Но что делать с домом? С ее домом, который в одно мгновение стал чужим и грязным? И что делать с Эдуардом, все это устроившим?

– Как он мог? – простонала Женя, судорожно на шаривая в сумочке телефон.

Вот сейчас она ему позвонит, и все выяснится. Словно поняв, что хозяйка не в себе и ей не до игр в прятки, мобильный призывно запиликал где-то в глубинах набитой всякой ерундой сумочки. Сумочки Евгения предпочитала маленькие, а вещей любила туда натолкать столько, сколько не в каждый рюкзак влезает.

Надежду, что звонит Эдик с объяснениями четкими, внятыми и краткими, поскольку Жене в данный момент было не до демагогии и оправданий, разбил веселый голос Аси Муравской. Именно разбил, поскольку Женя буквально почувствовала, как ее жизнь с грохотом обрушивается, брызнув в разные стороны миллиардами крохотных осколков. Ее надежды, счастье, планы – все разбилось и восстановлению не подлежало. Не выдержав напряжения, Женя разрыдалась так горько, как может рыдать тридцатисемилетняя девица на выданье, в очередной раз упустившая свой шанс.

– Что? – сиреной взвыла Муравская. – Евгеша, что случилось? Ты можешь мне сказать? Все, перестань икать, я все равно ничего не понимаю. У тебя дикция, как у жертвы стоматолога, только что вырвавшейся из кресла без половины

зубов и с передозом наркоза. Я выезжаю. Сидеть и ждать меня, ясно?!

– Нет, – попыталась остановить ее Евгения. Но кто и когда останавливал Асю? Это была девушка-торнадо, девушка-танк. Если Муравская сказала, что приедет, то запирайтесь и прятаться от нее бесполезно.

Асе Муравской тоже было тридцать семь лет. Она считала себя женщиной взрослой, независимой и состоявшейся, однако до одурения хотела замуж и верила, что на ее улице еще перевернется грузовик с женихами.

По паспорту подруга была Ассоль. Наверное, имя наложило отпечаток на всю ее жизнь, поскольку Ася терпеливо ждала именно Грэя, и именно под алыми парусами. К тридцати годам она немного жалела почти о половине отвергнутых ухажеров, а после тридцати пяти уже была готова родить ребенка хоть от кого-нибудь.

– Конечно, – говорила она Жене по секрету, поскольку для всех остальных строго озвучивалась версия «я замуж не хочу», – если бы и муж образовался, было б идеально. Но сейчас мужик обмельчал, поэтому содержать абы кого лишь за то, что он мне сделал наследника, я не собираюсь. Моя половинка где-то ходит, я точно знаю. Но эти китайцы кошмарно расплодились и так увеличили количество населения на планете, что шансы найти того, кто мне предназначен судьбой, стремительно падают.

– Лебедева, открой!

Через полчаса верная подружка уже билась о железную дверь Жениной квартиры, наполняя подъезд грохотом и воплями. Разумеется, когда плохо соображавшая хозяйка доползла до порога и открыла дверь, на лестничной клетке появилась любопытная соседка-пенсионерка Калерия Яковлевна, которой было дело до всего, молодая мамаша из квартиры напротив, которой вообще ни до чего дела не было, и Анна Борисовна Зевс с Александром, не успевшим от нее уйти.

– Ограбили? – заорала Калерия Яковлевна, азартно блестя глазами и норовя прорваться в Женино жилище. Орала Калерия Яковлевна всегда, поскольку плохо слышала и ответы, и саму себя.

– Утечка газа? – воскликнула мамаша, вероятно, собираясь эвакуировать толстощекого младенца, дрыгавшего пятками у нее на руках.

– Помощь нужна? – зычно перекрыла общий шум мадам Зевс.

– Нет, – махнула ей Ася, взглянув на Сашины руки. Зафиксировав обручальное кольцо, Муравская потеряла к Саше интерес. – Граждане, просьба соблюдать спокойствие и разойтись. Когда понадобится, вас вызовут.

– Так я и знала, ограбили, – удовлетворенно потерла руки Калерия Яковлевна.

– Мне кажется, девушке плохо, – неуверенно произнес Александр, с тревогой посмотрев на безжизненно прозрач-

ную Женю, застывшую в дверном проеме. Но, как и все мужчины, проблемы он не любил, поэтому помощь предлагал без особой настойчивости.

– Разберемся, – облегчила его муки совести Ася, решительно входя в квартиру и захлопывая за собой дверь.

– Меня сейчас тошнит, – сообщила Женя, смутно надеясь, что деятельная подруга немедленно войдет в ее положение и исчезнет.

Евгения Лебедева была из тех людей, которые любят делиться радостью с близкими, а горести предпочитают переживать в одиночестве. Но Асю чужие предпочтения никогда не волновали. Она все равно знала, как правильно, и с воодушевлением причиняла добро и наносила пользу, невзирая на сопротивление подопечных.

– Погоди тошнить. – Ася хищно ошупала подругу сначала взглядом, потом руками, огляделась и требовательно потрясла пострадавшую за плечи: – Что случилось? Говори, а то меня сейчас от любопытства разорвет. Я уже столько версий придумала, что могу книгу написать.

– Сама не видишь? – усмехнулась Женя.

Ничего такого, из-за чего стоило бы зеленеть и выть в телефон, стрессоустойчивая Асооль не заметила. Она мотнула белокурым каре, которое красиво качнулось, и потребовала конкретики. Женя вздохнула. Рассказывать не хотелось – не было сил. Да и вообще – Аська была другой, она бы не поняла, почему подруге так плохо. Муравская к нали-

чению посторонних людей в своей квартире относилась спокойно. Сколько Женя себя помнила, у Муравских постоянно толклись какие-то люди: то родственники проездом, то знакомые погостить, а то и вовсе – незнакомые граждане, которым негде было переночевать. Когда в твоём пространстве постоянно шевелится кто-то посторонний, невозможно признать это пространство своим. Дом, по мнению Жени, должен являться крепостью. И в этой крепости нет места для чужаков. Нельзя сказать, что Евгения была нелюдимой, замкнутой или не любила веселые компании. Она просто не терпела вторжения в своё личное пространство. А дом и был тем самым пространством, доступ в которое открывался лишь самым близким. Проще говоря – квартира для неё как нижнее бельё. А сегодня в её трусы кто-то нагло влез, и теперь их хоть выбрасывай. Все это Женя и попыталась донести до Аськи.

Муравская навесила на физиономию подобающую моменту долю скорбного сочувствия и упрямо заявила:

– Так, все ясно, но ты неверно расставляешь акценты. Евгеша, с такой трепетной душой надо было родиться средневековой принцессой и жить в башне, отращивая косы. А уж если ты имела счастье появиться на свет в нашем густо населённом мегаполисе, то соответствуй моменту и не будь душой. Дом ей осквернили, скажите пожалуйста! Тьфу на вас, барышня! При чём тут дом? Косметику жаль, не спорю. Но ты можешь позволить себе восстановить все. Тем более что

ночной крем, ты сама говорила, не очень. Белье вышвырнешь – бомжей порадует. Я не понимаю одного: почему ты напиралась на вещи и молчишь про Эдика? Главное не в том, что у тебя в доме была тетка, а в том, что ее привел мужик, за которого ты собиралась замуж! И не надо врать, будто не собиралась! В нашем возрасте, когда репродуктивная функция стремится к финишу, каждый мужик, которого мы прикармливаем, потенциальный муж. Мне он хоть и не нравился, но выбор невелик. Наша проблема в том, что мы красивые. Ну, ладно, буду критичнее. Не красивые, а интересные, следящие за собой, обаятельные девушки. А симпатичная девушка всегда в зоне риска, потому что, проснувшись утром и взглянув в зеркало, она ежедневно получает подтверждение своих высоких котировок на рынке любви. Поэтому у нее запросы выше и отсев гуще. Проще говоря, это как муку через дуршлаг трясти – остаешься с пустыми руками. В лучшем случае, застрянет какой-нибудь крупный жук или комочки. К концу процесса просеивания большинство из нас остается именно с этими жуками и комочками. И Эдик твой – то еще счастье. Был. Извини за прямоту. Так вот, про рынок любви. Исторически сложилось, что конъюнктура рыночных отношений и сделки на рынке никоим образом не зависят от нашего мнения и нашей точки зрения. На рынке можно продавать что угодно и по какой угодно цене, но где гарантия, что ты это продашь, особенно взвинтив стоимость. А ведь при этом всем кто-то рядом стоит и демпингует. Мол, да, у ме-

ня нос длинный или ноги коротковаты, или вообще – живот, целлюлит и ребенок от первого брака, зато я готовлю, стираю, убираю, готова быть не принцессой, а прислужгой. Гарантирую вождение хороводов вокруг любимого супруга, стану с него пылинки сдувать и в попу целовать. Мужики ленивые и на эмоциях экономят. Вот стоит такой и думает, мол, ну чего я на эту фифу напрягаться буду? Когда рядом есть неприхотливая, которая всю жизнь будет благодарна, что ее замуж взяли. А к фифе можно по пятницам заскакивать, после трудовой недели. А мы с тобой все принцев ждали. До сегодняшнего дня я думала, что ты дождалась-таки. Эдя твой, конечно, очень относительный принц, но я свое мнение держала при себе, благо не мне с ним жить. Кстати, именно твой пример меня поддерживал и вдохновлял. А теперь мы снова обе холостые, ни разу не женатые, бездетные королевны. И это напрягает. Слушай, ты хоть мявкни что-нибудь для поддержки разговора. А то я тут зависла в монологе, а реакции ноль. Короче, давай переживать, что ты опять без мужика. И не просто переживать, а предпринимать конструктивные действия. А страдать по поводу стыренной косметики и того, что твоим полотенчиком кто-то вытирался, дурь несусветная. Это как попасть в аварию, да так, чтобы машина не подлежала восстановлению, и плакать, что ноготь сломала. О, это мысль! Воспринимай Эдика, как «Жигули», не подлежащие восстановлению, о них с легкой душой можно забыть. Машин в салонах – лопатой гребь. Мужиков – аналогично.

Просто не на каждый автомобиль хватает денег, а на каждого мужика – необходимого набора прелестей. В тираж мы пока не вышли, но, как говорит по телику «сваха всея Руси», мы в седьмом эшелоне. А то и в восьмом. Так, ну хорош медитировать. У меня уже язык устал, и в горле пересохло.

Ася доброжелательно двинула окаменевшую от внутренних переживаний подругу по плечу. Женя от неожиданности влетела в стену прихожей и обиженно охнула.

– Во, живая, – удовлетворенно констатировала Ассоль. – Что и требовалось доказать. Это шоковая терапия. Будешь молчать, я тебе еще раз врежу. Любя. Так что не планирую давать мне сдачи. Слушай, Лебедева, гостей принято развлекать.

Женя послушно поплелась в гостиную.

– Я вот не понимаю, – бодро продолжила Ася, двигаясь следом. – Почему, если женщине тридцать семь, то окружающие поджимают губки, сочувствуют и всячески намекают, что ты уже практически вышла в тираж? А если мужику тридцать семь, то он молод, полон сил и все у него впереди? Из-за того, что самцы отстают в развитии? Или это историческая несправедливость?

– Потому, что женщина должна рожать. И чем раньше, тем лучше, – произнесла Женя.

– Должна, должна, – пробормотала Муравская, отбирая у нее телефонную трубку, которой подруга пыталась включить телевизор. – Вечно мы всем вокруг должны. Никто не

думает о том, что делать с ребенком после того, как тетка его родит. А дитяtko, между прочим, надо растить, воспитывать, на ноги ставить, то есть оплачивать все сопряженные с родами мероприятия. И на задний план отошел тот факт, что все это должен обеспечивать мужик. Получается, что он просто выделяет тебе один сперматозоид из своих миллионных запасов и шмыгает в кусты, как ящерица. И даже если ты эту ящерицу цапнешь за хвост, она все равно слиняет, оставив тебе то, за что успеешь схватиться, – хвост. А зачем нам хвост? От него ни жарко, ни холодно. В общем, необходимо пересмотреть место женщины в современном мире. И роль мужчины тоже. Да, вспомнила. Ты говорила, что тебя тошнит. Надеюсь, ты не беременна? Хотя это было бы не так уж плохо.

– Нет, меня тошнит от ситуации. И, к счастью, я не беременна.

– Почему, к счастью? – обрадовалась Ася. Подруга возвращалась в реальность и начинала реагировать на внешние раздражители.

– Потому что если и рожать, то от порядочного мужчины. А с Эдиком пока не все понятно.

– Не все понятно? – Ася аж подпрыгнула от возмущения. – То есть у тебя еще имеются варианты? Или ты намереваешься по извечной женской привычке оправдывать своего гулящего сожителя?

– Ну, он же должен как-то это все прокомментировать, –

пожала плечами Женя, обведя комнату жестом экскурсовода на развалинах Карфагена. – Только Эдик почему-то трубку не берет. Наверное, занят.

– Ага, – с готовностью откликнулась Муравская. – Наверное. Сначала он тут был занят, а потом, как Винни-Пух, когда варенье закончилось, ушел в другие «гости».

– Варенье любил Карлсон...

– Женя, ты в своем уме? Какая разница, кто что любил? Главное, что, фигурально выражаясь, Пятачка съели! Как это ни прискорбно. Предлагаю не ждать, пока твой бывший сочинит какую-нибудь сказку или огорчит тебя суровой былью. Надо срочно искать замену. У меня был план. Для себя любимой. Но раз уж так случилось, я могу поделиться идеей с тобой. Это даже лучше, чем я хотела. Надо ехать на море.

– За приключениями? – поморщилась Женя. Ей не то что про море не хотелось думать, ей хотелось немедленно остаться в одиночестве и постучаться головой об стенку. Но если в жизни есть верная и самоотверженная подруга, в сложной ситуации она вам стены портить не позволит.

– За красотой и загаром! За приключениями, – если повезет. И вообще, нам, как ветеранам любовного фронта, не до приключений. Нам с тобой, Евгеша, нужна стабильность и надежность. Правильно я говорю?

– Угу, – покорно кивнула Женя и терпеливо уставилась на гостью, телепортируя той намеки на скорейшее завершение визита.

– Не надо на меня таращиться, – проворковала Ася. – Не уйду я, не надейся. Вдруг ты без меня таблеток решишь поесть или в окно сиганешь? А под окном клумбы. Люди старались, сажали, поливали, и тут ты вся такая в расстройстве. Нет, милая моя! Я у тебя заночую. И не благодари. Я этого не люблю.

– Я и не собиралась, – мрачно проговорила Женя, имея в виду, что не собиралась благодарить. Хотя и про таблетки с клумбой она тоже не думала. Много чести неизвестной даме, легким движением руки потырившей не только косметику, но и душевное спокойствие. Правда, поругаться с необидчивым человеком, вроде Муравской, было задачей непосильной.

– Я похозяйничаю, а то жрать охота, – заявила Ася, направляясь в кухню. И на ходу добавила: – Это был не вопрос, а ответ. Не надо набирать воздух, не утруждай себя, любимая!

Воздух «любимая» все же набрала, но выплеснуть свое негодование не успела. В замке загромыхал ключ, и из прихожей раздался жизнерадостный голос:

– А кто у нас там кастрюльками гремит? А кто меня кормить торопится? А вот я сейчас нашу повариху зацелую-зацелую-зацелую!

«Дурак какой, – с отвращением подумала Женя. – И как я раньше не замечала, что он так противно сюсюкает? И голос бабий».

Мнение женщины о мужчине подобно бумажному флюгеру, а подозрения в адрес этого мужчины вообще срывают хлипкий флюгер напрочь. Еще вчера Эдя был самым лучшим, самым надежным. А сегодня наступило прозрение. Кстати, после момента прозрения очень сложно вернуться на исходные позиции.

– Ну, давай, попробуй, – всплыла в коридор Муравская. – Давненько меня не зацеловывали.

– Ой, Ассоль, привет! – воскликнул Эдик. – А что ты здесь делаешь?

– Хожу и удивляюсь твоей наглости, – усмехнулась Ася. – Если бы ты был моим кавалером, то вообще больше никогда ни с кем не целовался бы.

– Почему? – удивился Эдуард. Тон Муравской ему не понравился. Да и сама она ему не особо нравилась. Ассоль была девушкой горячеей, острой на язык и нахальной. Такие подруги обычно плохо влияют на покладистых и трепетных девиц, вроде Жени. – Что бы мне помешало целоваться?

– Крышка гроба, – добродушно пояснила Муравская и оскалилась в негостеприимной улыбке. Так мог улыбаться тигр, на обед к которому пришло что-то наивно-упитанное.

Женя не хотела никаких разборок, тем более при Асе. Она понимала, что Эдя сейчас начнет врать. Правда, как и что можно соврать в сложившихся обстоятельствах, она не представляла.

– У вас тут гости были, – промолвила Муравская. – Как у

трех медведей. Что не сломали, то помяли да понадкусывали. Наверное, Машенька заходила, да?

Эдик одурело похлопал глазами и плаксиво заявил:

– Я, между прочим, домой торопился, хотел романтики! Жека, ты могла бы предупредить, что вы тут пьете. Я бы нашел, чем заняться в городе. Почему я, усталый и голодный, должен слушать какой-то бред? И вообще, Ассоль, дай пройти!

– Обойдешься! – прошипела Муравская. – Пройти ему! Ты лучше объясни, почему ты после своей любовницы в квартире не убрал, и где Женькина косметика! Если у тебя нет денег на презенты своим бабам, то это не означает, что можно брать и передаривать чужое!

Эдуард бессмысленно и театрально хлопал глазами, крутил головой и шлепал губами – в общем, старательно изображал недоумение. Но, поскольку Женя на спектакль не реагировала, он хлопнул себя по лбу и охнул.

– Давай, Жбанский, жги, – усмехнулась Ася. – Областная самодеятельность отдыхает. Ну, потряси нас своей фантазией. Ты же фотограф, человек творческий! Не будь банальным.

– Да я Мишке, Мишке дал ключи! – крикнул Эдик. – Женя, что случилось? Он просто попросил на пару часов хату.

– О, мадемуазель Лебедева, вы, оказывается, подрабатываете почасовой сдачей койко-мест! – изумленно подняла брови Ася. – Какой моветон! А еще прикидываются интел-

лигентами.

– Мой дом – не хата, – с трудом выдавила Женя. Она зады-
халась от ненависти и презрения к мужчине, который был...
Да даже стыдно вспомнить, кем он для нее был! Какая га-
дость!

– Ну, прости, прости! Я Миху прибью, хочешь? – залебе-
зил Эдик.

– Как говорит нынешняя молодежь – «убейся апстену», –
ухмыльнулась Ася. – Эдя, хотя бы уйди красиво.

– Никуда я не пойду! – взвизгнул Эдик. – И вообще, Ас-
соль, тебе пора. Мы без тебя тут разберемся.

Он искренне верил, что мягкохарактерная Женя покорит-
ся его обаянию и, как обычно, простит. С Женей всегда мож-
но было договориться, в отличие от ее чокнутой подружен-
ции. По его мнению, такая въедливая и бестактная баба бы-
ла обречена на одиночество, поскольку рядом с ней любой
мужчина чувствовал себя, как муха рядом с вентилятором, –
его просто сдувало под натиском самомнения и язвительно-
сти, исходивших от Муравской. Женщина должна быть мяг-
кой, нежной и покорной. Иначе зачем она вообще нужна?

– Вы без меня не разберетесь, – заявила Ася. – Потому что
я точно знаю, чего хочет Евгеша. Она просто мечтает, чтобы
ты немедленно исчез, прихватив свои поганые вещички, и
никогда не появлялся в ее жизни. Но она как девушка тре-
петная и интеллигентная не знает, как это осуществить. А я
знаю. – Она проникновенно взглянула на притихшего Эду-

арда и вкрадчиво поинтересовалась: – Эдя, ты веришь, что я в одну минуту осуществляю Женькину мечту? Не отвечай. По лицу вижу – веришь. Поэтому, если не хочешь считать копчиком ступеньки, выметайся добровольно.

– По-моему, это не твой дом, – с неуместной заносчивостью заметил Эдик.

Но Муравская благожелательно напомнила:

– И не твой, так что адьес, амиго!

– Женя, почему ты молчишь? – Эдуард решил, что уж если и уходить, то с музыкой. Вообще-то уходить не хотелось. С Женей было удобно, комфортно, да и девушкой она была приятной. Тем более что и Женя имела от их союза определенные плюсы. Дураку ясно, что девушки ближе к сорока мужчинами не бросаются. Более того, они и заполучают-то их с трудом. Он в некотором роде Лебедеву осчастливил, а она... – Евгения! Я к тебе обращаюсь!

– О, он еще и покрикивает, – с физиономией сытого питона констатировала Муравская. – Ну-ну.

Женя хотела что-то сказать, но язык не слушался, а в горле застрял комок. Она лишь презрительно скривилась и махнула рукой в сторону двери. После чего развернулась и быстро ушла в глубь квартиры.

– Не понял...

– Чего ты не понял? – Ася начала теснить Эдика к выходу. Так улыбаются официанты закрывающегося заведения, пытаясь выпроводить засидевшихся клиентов. – У нее стресс,

тепло попрощаться с тобой она не в состоянии. Твоя девка спала на ее белье, ела из ее посуды, вытиралась ее полотенцами и сперла почти всю косметику. И где ты таких берешь, Жбанский? Это умудриться надо! Надеюсь, презервативов в помойном ведре вы не оставили?

– Это не я, – опустил голову опальный кавалер. – Ты не поверишь, но это не я! Это мой друг Мишка...

– Не поверю. Поэтому иди, не отсвечивай. И вообще, скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Куда ни плюнь, везде ты не прав. Такая ваша мужская доля. Вы инфантильные идиоты, которые сами себе все портят. И ладно, если бы только себе. Я тебе, если хочешь знать, даже сочувствую. Такую девушку потерять!

– Лучше бы помириться помогла. Сочувствует она...

– Не дай бог! – воскликнула Муравская. – Если после такого помириться, то я даже боюсь представить, что ты выкинешь на следующем этапе.

– А я бы мог на ней жениться, – бросил последний пробный шар Эдик.

– Ха-ха-ха! Звучит как обещание взять денег в долг без отдачи. Причем ты уверен, что кредитор почтет за честь отмусолить тебе кровно заработанное! Наглость – второе счастье, но не в твоем случае. Жбанский, исчезни!

– Мне нужно собрать вещи!

Эдик попытался прорваться в комнату, но Муравская больно ткнула его пальцем в живот и прошипела:

– Я тебе сейчас сама все соберу. В лучшем виде. Жди здесь.

– Вот так и рушатся мечты, – грустно вздохнула Женя, когда Жбанского выдворили за пределы квартиры и заботливая Ася усадила ее пить чай.

– Какая мечта, – отмахнулась Муравская. – Хуже, когда рушатся мечты о спокойной старости в обществе привычного и побитого жизнью мужа. Когда тебе ближе к пятидесяти, эти мечты восстановлению не подлежат. Уж лучше сейчас, когда есть шанс запрыгнуть в последний вагон.

– Хм, – скептически пожала плечами Женя. – Как бы ногу в прыжке не сломать.

– А не надо об этом думать. Мысль материальна. Хватит киснуть. Завтра отправляемся за путевками в новую жизнь. В любом случае, тебе нужно восстановить психику и забыть нелепый инцидент.

– Нелепый инцидент, – повторила Евгения, запустив пальцы себе в волосы и довольно сильно дернув. – Мне все еще кажется, будто я сплю. Этого не могло произойти со мной. Вот с кем угодно, только не со мной. Кстати, мы так и не выяснили, кто тут был с девицей. Может, все же не Эдик?

Муравская с демонстративным сочувствием посмотрела на Женю и усмехнулась. Это означало, что ей и так все ясно.

– Ну не такой же он идиот, чтобы даже не убрать за собой! – завелась Женя.

– Такой. Все они такие. Инфантильные инвалиды ум-

ственного труда. Дорогая моя, не майся дурью. Забуди его, как вырванный зуб. Он тебе больше не понадобится.

С Эдиком было связано слишком много, чтобы приравнять его к зубу.

– У меня с ним столько всего было, – вздохнула Женя.

– А могло быть еще больше, – разозлилась Муравская. – Дети, например! Вот представь, что у тебя тут носится какое-нибудь чудо с косичками и спрашивает, мол, а где папа? Почему он ушел? И чего ты ответишь? Ты, вообще, в курсе, что именно из-за детей множество теток терпит этих пьющих, гулящих и просто наглых эгоистов? И тебе бы пришлось его простить! И жить с человеком, в котором ты не уверена, который тебя предал и унизил! А все почему? Потому что – ребенок. Лебедева, скажи спасибо, что вас с ним ничего не связывает. Ушел – и скатертью дорога. Никто по лавкам не плачет. И даже если бы ты его не простила и все равно выперла, тебе бы на протяжении оставшейся жизни пришлось бы лицезреть эту противную морду, потому что мужья бывшими бывают, а папы нет. И твой Эдик регулярно маячил бы в поле зрения, требуя встреч с ребенком, когда ему удобно. То есть вытирать сопли, попу, мотаться по врачам, кружкам и развивалкам, не спать ночами, решать кучу сопутствующих проблем – это ты, а поиграться в удобное время с умытым, вылеченным и пристроенным всеми правдами и неправдами в сад ребенком – это папаня!

– Да уж, – согласилась Женя. – Умеешь ты убеждать.

– А то! – гордо выпятила бюст Муравская. – Скажи спасибо.

– Спасибо.

Она все еще не была уверена, что, выгнав Эдика, поступила правильно. Но не говорить же об этом Асе.

Ася Муравская была девушкой противоречивой, энергичной и неудачливой в личной жизни. Несмотря на ее проницательность и тонкое знание мужской психологии, противоположный пол вечно оставлял умную Асю с носом.

– Поматросил и бросил, – с неудовольствием констатировала всякий раз Асина мама.

К тридцати семи годам у Аси сложилось четкое ощущение, что вокруг одни «матросы». Надежных мужчин не было в принципе. Они являлись источником повышенной опасности и непреодолимых моральных проблем как в текущий период времени, так и в будущем. Ася видела мужчин насквозь, презирала и расстраивалась.

– Я как рентген. Мне скучно жить. Все эти гаврики у меня как на ладони, – переживала она. – Я заранее знаю, каких именно пакостей можно от них ожидать.

Работа консультантом в магазине бытовой техники сделала и без того прозорливую Асю экспертом в области психологии.

– Лучше бы я была наивной дурой, – сокрушалась Муравская, вырвав из своего израненного сердца очередного коварного. – Жить было бы гораздо проще. Мужики вообще умных

не любят. Но когда я пытаюсь этой самой дурой прикинуться, они начинают злоупотреблять моей добротой.

Чтобы быть ближе к среднестатистическому идеалу, на который, по мнению Аси, клевали недальновидные, как деревенские караси, мужики, Муравская перекрасилась в блондинку. «Караси» стали клевать активнее, образовалась свобода выбора, но когда в ведре одни караси, то сложно выудить оттуда леща или осетра. Ася мечтала о красивом, умном и верном, соглашалась на некрасивых, но много о себе мнящих, а в результате оставалась ни с чем. Она верила в лучшее, но рассчитывала на худшее.

– Лучше уж морально подготовиться к падению в пропасть, чем орать в полете, уже туда рухнув, – поясняла она Жене, не улавливавшей логику объяснений. – Проще говоря, лучше неожиданно обрадоваться, если получится, чем расстроиться, не получив желаемое. Я пессимистичная оптимистка.

Иногда под настроение шибко умная Ася даже сочиняла стихи. Правда, получилось нечто внятное лишь однажды, но зато стих вышел таким, что Женя его даже выучила. И втихую начала гордиться подругой.

Преподнесен шедевр был как поздравительный текст на день рождения, однако содержание для открытки с цветочками было слишком насыщенным. Видимо, Муравскую понесло.

Трудно быть счастливой,
Если встала рано.
Нос – сопливой сливой,
И на сердце рана.

Трудно быть красоткой.
Зеркало пинаю:
Сходства с этой теткой
Нет во мне, я знаю!

И с диетой в ссоре,
На весах – «ой, мама!»
Заедала горе —
Плюс два килограмма.

Трудно быть везучей,
Коль в душе разруха.
В этой жизни щучьей
Женщинам непруха.

Что там мелочиться,
Трудно нам, убогим...
Мужиком родиться
Повезло не многим!

Ну, чего? Поныла?
Навела тут сырость?
Быстро слезы смыла,
Перезагрузилась!

Дети, муж, работа...
Есть? Уже неплохо.
Не сложилось что-то?
Жизнь не без подвоха.

Я себя такую
Обожаю нежно.
В платье упакую,
Надушу небрежно.

Начешу прическу,
Макияж скорее!
Жизнь – она в полоску.
Ну, а я в ней – фея!

В этом опусе была вся Ася, с ее оптимистическим отчаянием и отчаянным оптимизмом.

Она веселым паровозом тянула мягкохарактерную Женю за собой во всякие приключения, после которых начинала запальчиво оправдываться и ободрять подругу сомнительными доводами, выискивая в одном сплошном жирном минусе мелкие, едва различимые плюсы.

– Зато жить не скучно, – утверждала Муравская, пресекая любые Женины возражения.

В том, что на море с Асей она не соскучится, Женя не сомневалась. Наверное, сейчас ей не помешала бы подобная встряска, хотя больше всего на свете хотелось забиться в тем-

ный угол, отгородиться от мира и впасть в спячку. Жизнь была в сплошную черную полосу, а феей Евгения себя не ощущала.

* * *

– Мне неудобно без машины, – заявила за ужином Катя, постукивая художественно разрисованным ноготком по столу. Это мерное постукивание долбило Сашин мозг, как дятел.

– Без швейной? – усмехнулся он. Разумеется, Саша понимал, что супруга снова начнет нудить про маленькую машинку ценой с большого слона.

– Тебе смешно? – обиделась Катя и надула губки.

Ей казалось, что с надутыми губами она выглядит трогательно и мило. Для полноты образа Катя еще трепетала ресничками. В такие моменты жена напоминала Александру больного хомяка с неправильным прикусом и нервным тиком. Но женщинам никогда нельзя говорить об этом. Правда, сказанная даме из лучших побуждений, гарантирует оскорбление, которое потом придется смывать долго и мучительно. И хорошо, если не кровью.

– Мне грустно, что я не могу тебя осчастливить, – признался супруг, искренне не желавший портить ужин.

Он полагал, что признание вины обезоруживает оппонента. Единственный момент, который Саша вечно забывал учи-

тивать, что оппонент и оппонентка – две разные величины. И если оппонента можно в чем-либо убедить, то оппонентку – никогда. Пока женщина не выговорится, прерывать ее бессмысленно.

– Вот в этом ты весь! – гневно воскликнула Катя. – Грустно ему! Развел руками, и все. А я – делай, что хочешь! Ты мужчина! Ты должен решать мои проблемы!

– Лапуля, ну какие у тебя проблемы? Вот с машиной точно проблемы возникнут. Тебе трудно доехать до парикмахерской или до своих распальцованных подружек на такси? Да на автомобиле ты сосчитаешь все столбы и соберешь по дороге кучу «Лексусов» и «Мерседесов». Я остаток жизни буду работать на компенсацию ущерба!

– Ты меня унижаешь!

Зарывав в бессильной злобе, Александр констатировал, что ужин все же испорчен.

Купить, что ли, в конце концов, ей машину? Ведь не отстанет же! Но тогда придется решать что-то с местом для парковки, с курсами вождения, да мало ли проблем появляется у мужчины, дама которого приобрела авто!

Мучительный мыслительный процесс прервал телефонный звонок.

Номер высветился смутно знакомый.

– Как жизнь? – прогнусавил собеседник. – Старушек через дорогу переводишь?

– Каких старушек? – озадачился Саша, еще не отошедший

от ссоры с женой. А у них была именно ссора, поскольку Катя молча отодвинула тарелку и гордо удалилась, напоследок ошпарив мужа презрительным взглядом.

– Белогорский, ты обдумал мое предложение по поводу бабки?

– Валентин?

– Да.

– Будьте добры, не звоните мне больше. Вопрос закрыт. Сделка будет проведена законно, – отчеканил Белогорский.

– «Будьте добры»? – изумленно повторил Валентин. – Ты что, лох, не понял, с кем связался? Я не буду добр. Я вообще недобрый. Так что считай это последним китайским предупреждением. И береги жену. Она у тебя симпатичная. До завтра, Белогорский.

Александр всегда думал, что поджилки – это где-то под коленями. Но сейчас он в этом усомнился. Поджилки тряслись у него под желудком, вызывая противную вибрацию во всем организме. Его замутило от ужаса. Подспудно он еще надеялся, что мужик с влажными губами и водянистым взглядом, предложивший ему совершенно немыслимую по наглости аферу, всего лишь проверка. Агентство, в котором он трудился, было крупным, элитным, и сотрудники в нем работали тщательно отобранные. Начальство пеклось о репутации фирмы, поэтому Белогорский вполне допускал, что его банально проверяют «на вшивость». Но почему-то после упоминания о жене вдруг четко понял, что это не проверка,

все очень серьезно. Они угрожают Кате! И Белогорский забегал по кухне, как хомяк по банке, рядом с которой появился голодный кот.

В их первую встречу Валентин однозначно дал понять, что в полиции у него все схвачено. Что же делать? Саша взъерошил волосы и тихо замычал. Врут все, что нет безвыходных ситуаций. Необходимость страшного выбора расплющила одуревшего от переживаний риелтора, как сапог грибника поганку.

Ему очень хотелось впасть в летаргический сон и очнуться, когда весь этот кошмар закончится.

– Ты как? – Муравская заботливо заглянула Жене в лицо и для налаживания контакта потрясла ее, словно старый радиоприемник.

Подруги шли в сторону бюро путешествий. Причем Муравская двигалась целеустремленно и неотвратно, как локомотив, подволакивая слегка сопротивляющуюся Евгению.

– Бодра, как позавчерашний пельмень, – вздохнула Женья, отталкивая пышущую энергией подругу. – Не тряси меня.

– А что, извилины запутаются? – засмеялась Ася. После чего внезапно посерьезнела и напомнила: – Внимательно читай договор. Задавай вопросы. Бди. Вдруг я чего-нибудь упущу. У меня такая эйфория в преддверии отпуска, что мозг плохо фурычит. С перебоями. И не хотелось бы, чтобы очередной перебой пришелся на момент выбора отеля или подписания договора. Деньги у меня последние, в общем, вся

надежда на тебя.

– У меня тоже последние, – огрызнулась Женя. – И я не понимаю, почему надо непременно тащиться за границу? Что, у нашего моря загореть нельзя?

– Запросто, – усмехнулась Муравская. – Только мало ты у нашего моря получишь, а еще и заплатишь за это сомнительное удовольствие гораздо дороже.

– Я вообще не уверена, что хочу к морю, – промямлила Женя, хотя уже осознала, что отделаться от Аси не получится.

– Это у тебя последствия стресса. К морю хотят все.

Муравская впихнула подругу в маленькую неприметную дверцу, рядом с которой поблескивала золотыми буквами табличка.

– А почему офис в подвале? – удивилась Женя. – Кинут нас в этой сомнительной лавке!

– Не каркай!

– Ты же сама велела бдить!

– Евгеша, бди, да знай меру! Это нормальное агентство, проверенное! Я в Интернете читала отзывы.

– В Интернете? – округлила глаза Женя и стала упираться активнее, судорожно сжав тонкую пачку купюр, спрятанных в потайном кармашке. – Муравская, ты что? Как в анекдоте? «Мнение ваше о нас мы знаем, потому что пишем его сами!»

– Лебедева, не зли меня! Я на форуме спрашивала. У реальных людей!

– И она еще говорит, что я доверчивая дура! – охнула Женя. – Какие реальные люди могут быть на виртуальном форуме?

– Жека, ты сейчас пытаешься лишить меня мечты!

– Ася, я пытаюсь сохранить твои деньги!

– И свои тоже! Так, хватит! Я все проверила. Не трепыхайся. Если я сказала, что ты улетишь, то ты улетишь!

Звучало это угрожающе. Евгения даже представила, как она именно летит, кувыркаясь в воздухе и нелепо раскинув руки.

– А вдруг они таким образом вербуют девушек и продают их в рабство? – бросила последний пробный шар Женя, категорически не желавшая выезжать за границу.

Нелюбовь к заморским странам осталась у нее с тех пор, как Евгения опрометчиво посетила Египет в одиночку, решив насладиться красотами древней цивилизации. Все путешествие отравили matrimониальные планы местного мужского населения. Смуглолицые мужчины слетались на одинокую барышню, как осы на сливовый компот. И все как один непременно желали жениться. Причем сию секунду, не откладывая в долгий ящик. Чтобы хоть чуть-чуть чувствовать себя в безопасности, Женя на второй день отдыха прибилась на завтраке к двум солидным дамам, которые воодушевленно принялись учить ее жизни. А вечером потащили на дискотеку. Именно там выяснилось, что обильный макияж, наличие внуков и центнер лишнего веса в жаркой афри-

канской стране не является препятствием для личной жизни простых российских пенсионерок. С той изумительной ночи Женя не выходила вообще с территории отеля и считала дни до возвращения домой.

И вот теперь эта ненормальная Муравская опять пытается затащить ее черт знает куда!

– Вербуют девушек? – изумленно воскликнула Ася. – Лебедева! Мы очень сильно перезревшие девушки. Вообще, мы девушки с большой натяжкой! Некоторые в нашем возрасте уже бабушки!

– У меня сложилось ощущение, что ты за время отпуска планируешь наверстать все упущенное и заполнить пробелы в биографии, – мрачно заявила Женя.

– Правильное ощущение. Не дрейфь! И вообще, волков бояться – в лес не ходить.

На этой оптимистичной ноте они подошли к столику, за которым томился румяный бородач с кипой журналов в руках.

– Добрый день! – любезно улыбнулась прыщавая девушка с измученным лицом. Под глазами у нее были такие синяки, что можно было заподозрить наличие кандалов под ее столом. Наверное, одинокую сотрудницу вообще не выпускали из офиса на свежий воздух. – Что вы хотели?

– Мы бы хотели в отпуск. Чтобы весело, тепло, море и недорого, – объявила Муравская и кокетливо стрельнула глазами в бородача.

– Если недорого, то Европа отпадает, – строго произнесла девица и добавила, указав в сторону бородача – Вот у мужчины проспекты по Турции, Тунису и Египту. Смотрите, выбирайте.

– Я уже час выбираю, – усмехнулся тот. – Везде чувствую подвох. А где подвоха нет, там цена большая. Давайте страдать вместе.

– Я в Египет не поеду! – вздрогнула Женя. – Ни за что!

– Так со мной же! – попыталась отстоять широту выбора Муравская.

– С тобой тем более.

– В Турцию я не поеду. Это уже не модно! – глубокомысленно изрекла Ася. – Таким образом, остался Тунис. А это вообще где?

– В Африке, – округлила глаза девица, пренебрежительно посмотрев на необразованных клиентов.

– Я имею в виду, это в цивилизованной части Африки или какие-нибудь дебри Амазонки?

– Слушай, Муравская, не позорь меня, – прошептала Женя. – Какая Амазонка? Что ты несешь?

– Я смотрела фильм «Пятнадцатилетний капитан». Там на этой Амазонке знаешь что было?

– Я тоже смотрела. На, пожуй конфетку.

– Девчонки, а вы веселые, – расплылся в белозубой улыбке бородач.

– Да, мы такие. – Ася кокетливо поиграла бровями и ли-

хо уселась на стул рядом с ним. – Давайте выбирать вместе. Может, и отдохнем вместе? Веселая компания в отпуске никому не мешала.

– Муравская, – охнула Женя. – Держи себя в рамках!

– Я не натюрморт, чтобы в рамках держаться, – огрызнулась подруга. – И не ной. Будь проще. Настраивайся на отпуск без проблем и обязательств. Ведь мы девушки свободные, а свободные люди свободны от обязательств.

Можно было не сомневаться – Ася вышла на охоту. Однажды она вычитала, что мужчину отпугивают обязательства и опасность быть окольцованным. Вывод следовал один: надо заманивать наивную жертву, обещая ему противоположное тому, чего он боится. И Муравская стала действовать по мужскому шаблону. Как известно, на стадии подготовки к завоеванию кавалер нагло врет, обещая объекту луну с неба и полкило бриллиантов из ближайшего ювелирного. Ася врала в ответ про свободу и желание помереть в девках, категорически отрицая семью и прочие неприятные для свободолюбивого мужского характера моменты. Как женщины удивляются, не получив ни луны, ни камушков, так Асины кавалеры изумлялись, когда барышня начинала волочь их к алтарю. И если до тридцати пяти она их просто ненавязчиво подталкивала, то после вышеназванного рубежа – тащила, как быков на бойню. Жертвы активно отбрыкивались и резво уносились в неизвестном направлении. Но Муравская не отчаивалась.

– Если сразу честно говорить, что хочу замуж и ребенка, то они сбегут еще до интима, – поясняла она Жене, которая категорически возражала против подобной тактики.

– Зато время сэкономишь, – парировала Евгения.

Преппираться на эту животрепещущую тему они могли до бесконечности, поскольку обе хотели одного и того же – встретить не абы кого, а единственного и неповторимого. Но до сих пор находились лишь какие-то жалкие подобиия, оставлявшие после себя разочарование.

Отель выбирали долго и придиичиво. Девиица-консультант с отсутствующим видом молотила по клавишам, изредка почесывая сальные волосы. Женя, которую активизировавшаяся словно щука при виде пескаря Муравская оттерла от бородача, с интересом разглядывала помещение. Евроремонт и нормальная офисная техника немного примиряли ее с действительностью. Девиица же не производила впечатления сотрудницы респектабельной конторы. Поэтому просчитать риски не представлялось возможным. Отдавать деньги за сомнительное удовольствие не хотелось. Но ворковавшая Ася уже настроилась ехать за бороатым на край света, как жена декабриста.

– Евгеша, мы едем в Тунис! – объявила, наконец Муравская.

– Надеюсь, без меня? – усмехнулась Евгения.

– Не надейся. Алеша, у тебя друг есть? – Ася нежно улыбнулась бородатыму.

«Ясно, – угрюмо констатировала Женя, – он уже Алеша. Сближение в предельно сжатые сроки».

– Есть, – сообщил Алексей. – Но только он с нами не поедет.

– Ничего, – утешила Женю Муравская. – С нами все равно поедет много людей. Полный самолет. Мы с кем-нибудь там подружмся. И будем отдыхать веселой компанией.

– Я люблю веселые компании, – заявил Алексей.

Название у выбранного отеля было труднопроизносимым и слабо запоминающимся. Но Женя после предательства Эдика находилась в прострации, поэтому всякие мелочи, которые она раньше непременно изучила бы с пристрастием, сейчас проходили мимо сознания. Ее накрывало странным равнодушием к собственной судьбе. Так происходит с людьми, которым нечего терять. Евгения была уверена, что ей-то точно терять в этой жизни нечего.

Ася с Алексеем суетливо выпрашивали что-то, весело торговались, шумели – в общем, вели себя, как сытые воробы у лавки с бабулками.

Правда, в какой-то момент возникло напряжение, когда вдруг выяснилось, что Алексей берет номер на двоих.

– Сестра, наверное, – уверенно прищурилась Муравская. – Он точно не женат, у меня глаз наметан.

Женя промолчала. У нее насчет наметанности Асиного глаза было иное мнение.

На улицу они вышли втроем и, когда Женя начала смутно

соображать, что от нее сейчас потребуется под благовидным предлогом исчезнуть, оставив будущих путешественников наедине, у Алексея вдруг зазвонил мобильный. Они остановились у темно-зеленого джипа, поблескивавшего гладкими боками. Муравская уважительно посмотрела на только что произведенного в кавалеры бородача и шепнула подруге:

– Вот оно! Судьба. Я сразу почувствовала, как его увидела, – мое! Искра пролетела.

– У тебя постоянно искрит, – заметила Женя. – Проводку проверь, пока опять все не спалила.

– Попрошу без намеков. На сей раз все срастется. Посмотри на него – мы с ним пара, и на физиологическом уровне, и на кармическом.

Подруги пристально посмотрели на басившего в трубку Алексея. Причем Ася с чувством удовлетворения рыбака, выдернувшего из озера жирного карпа, а Женя с сомнением. Хитроглазый, пузатый и задиристо-жизнерадостный весельчак, по ее мнению, не походил на мужчину, способного вызвать искру.

– Лапуля, а у меня командировка, – нежничал с трубкой Алексей. – Да-да, а так хотелось, но не выйдет в этот раз! За Полярный круг... Там приема нет... Нет, приезжать не надо. Я туда и обратно – молнией. И я тебя... И я тоже... И я так же...

– Наверное, еще одна сестра, – язвительно заметила Евгения и испуганно прикусила язык.

– Да уж, – мрачно тряхнула челкой Ася. – Боюсь, там очень большая семья. И некоторые члены семейства даже не подозревают о существовании друг друга.

– Коллега по работе, – виновато развел руками Алексей, смущенно улыбнувшись.

– Мы так и поняли, – промолвила Евгения.

– Вас подвезти?

Он переместился от джипа к скромной иномарке, основательно заляпанной грязью. Судя по тому, как Алексей похозяйски открыл дверцу и начал сбрасывать на пол с сиденья какие-то тряпки, бумажки и старые пластиковые бутылки, именно на этом драндулете он и изволил ездить. Муравская разочарованно вздохнула и вежливо отказалась.

– А почему ты не спросила, с кем он поедет в Тунис? – поинтересовалась Женья, когда они отошли от турбюро на приличное расстояние.

– После того, как увидела автомобиль, поняла, что это уже неважно, – отчеканила Ася.

– Фу, какая ты меркантильная. А кто говорил, что на первом месте душа?

– Судя по антуражу, он работает фермером и тянет не на принца, а на свинопаса. А свинопас мне не подходит не потому, что плохо зарабатывает, а потому что вонюч, безобразно одет и вряд ли обучен манерам. Я, знаешь ли, не готова признать принцем мужчину, который чавкает, ковыряется в зубах, ходит в растянутых трениках и линялой майке по

дому и наливается пивом вместо романтики. С таким хмырем жизнь превратится в сплошные убогие будни. Основную мысль уяснила?

– В общих чертах.

– Жека! Бедный мужчина плох не тем, что у него нет денег, а аурой вокруг его персоны. Он неуверен, неопрытен, убог, озабочен, озадачен... Короче, ну не принц!

– Все ясно. Перельман – не наше счастье. Нам бы что попроще.

– Не надо меня подкалывать.

– Даже не думала. Когда мы выезжаем?

– Лебедева, я тебя боюсь! Ты же рядом сидела! Ты все прослушала?

– Ась, ну я ж не хотела вам мешать. У вас там чувство наклевывалось...

– Что у меня могло наклевываться с этим телепузиком? Ты чего, Евгеша?

– Какая ты непоследовательная, – пробормотала Женя. – Ладно, не будем препираться из-за мелочей. Когда и куда мне прибыть с чемоданом?

– Послезавтра!

– Послезавтра? Да у меня даже купальника нет! Мне на работе надо отпуск брать! Ты что?

– Ой, не делай из всего проблему. Купальник можно купить в магазине. Отпуск можно взять, сделав скорбное лицо. Придешь с заявлением, с физиономией, будто у тебя кто-то

помер. На вопрос «что случилось?» ничего внятного не отвечай, пускай слезу и изображай начинающуюся истерику. И все. Дело в шляпе. Всему-то тебя надо учить.

Ася была права. Любую проблему можно решить. Но Же не ничего решать не хотелось. Ей в ее горе была противна любая активность. А отпуск требовал не просто активности, а бешеного мельтешения с беготней по магазинам и кабинетам: купить тряпочки по минимальному списку, маникюр, педикюр, аптечка, сдача дел...

– Я уже заранее ненавижу этот отпуск, – пробормотала она и разве что не плюнула на асфальт от отвращения к предстоящей суете.

Если вы когда-нибудь уезжали в отпуск, то вам знакомо взвинченно-нервное состояние. Возникает множество вопросов, которые в обычное время показались бы вам бредом сумасшедшего.

– Ася! – Женя очумело смотрела на гору вещей, раза в три превышающую размер чемодана, и тревожно сопела в трубку. – Я тут что подумала. А если рейс задержат на сутки? Нам надо еду с собой взять! В аэропорте дорого, мы там долго не протянем.

– Еду, – саркастически усмехнулась Муравская. – Бери выше. Я считаю, спальник надо брать и котелок.

– Ты сейчас шутишь? – осторожно уточнила Женя.

– Какие уж тут шутки. Я серьезна, как главбух при визите налоговой. Лебедева, не зли меня. И не пугай. Я хочу отды-

хоть с адекватным человеком, а не с зашуганной истеричкой.

– Тогда я тебе не подойду, – проворчала Женя и добавила: – А если фирма разорится? Нам обязательно нужны запасные деньги на билет обратно.

– Господи, – простонала Ася. – Ты ужасна, как зубная боль. Жека, расслабься. Можно подумать, тебя выпирают в космическую экспедицию на Марс! Да там цивилизованная страна: есть банкоматы, банки, телефон, магазины. Там же люди живут.

– Африканские люди, – мрачно напомнила Евгения. – И я не уверена, что они не каннибалы, между прочим. Поэтому никуда я ходить не буду, ни в какие банки.

– Жизнь заставит – пойдешь. Кстати, ты купила свисток от акул?

– Что?

– Не купила? А ты не в курсе, что в Средиземном море водятся акулы!

Пока Женя переваривала новость, Муравская сочувственно вздохнула и облегчила ее страдания:

– Жека, это шутка. Ты переутомилась, юмор плохо усваиваешь.

– Надо шутить так, чтобы твои шутки доходили, – обиделась она.

– Ну, милая моя, на каждого жирафа не угодишь. Ладно, не кисни! Я сейчас приеду, помогу тебе собраться. А то боюсь, ты полдома с собой возьмешь для страховки. И надо

ехать за купальниками. Запомни: самое главное на пляже – купальник. Особенно для незамужней девушки.

– Мне туда положить нечего, – вздохнула Женя и посмотрела на то место, про которое шла речь. Фигура у нее была мальчишеской – стройной, гибкой и с минимальными выпуклостями. С возрастом все чаще стала приходить мысль, что это скорее не плюс, а минус. Мужчины предпочитают аппетитных дам.

– На всякий товар свой купец. И размер не главное. Главное – цвет. Мужика, как быка, нужно сразить сразу, привлечь его внимание, чтобы он, раздувая ноздри и пытаясь, бежал к тебе и ничего вокруг не видел, – назидательно произнесла Муравская. Ей легко поучать. Когда у тебя есть грудь, можно не волноваться и давать умные советы, похожие на утешение.

– Быкам нужны коровы. А я не корова, а коза какая-то, – опечалилась Женя, осознав, что пляж для нее не самое выигрышное место. Но – она же не выигрывать туда едет, а отдыхать. Или все же выигрывать?

– Лебедева! Отставить пессимизм! Я вылетаю на метле. Открывай двери.

Положив трубку, Евгения со вздохом покосилась на вещи. Сейчас приедет Ася, станет смеяться, критиковать и выкидывать самое необходимое. Нужно подготовиться к нападению. Может, чайник все же отложить?

Но подготовиться Женя не успела, потому что раздался

звонок в дверь.

– Правда, что ли, на метле прилетела, – пробормотала она, щелкая замками.

– Надо спрашивать: «Кто там?» – проговорил Эдик, хозяйски вдвигаясь в квартиру с букетом наперевес.

– Ты чего пришел? – оторопела Женя.

К визиту бывшего жениха она не была готова ни морально, ни физически. Женя только что временно перестала убиваться о загубленных годах ожидания и стояла непричесанная, ненакрашенная и в старой футболке. Кто расставался с мужчиной, тот знает, какая это драма – случайно столкнуться с бывшим не при полном параде. А Евгения была не то что не при полном параде, она была как наполеоновская армия в период отступления – хуже некуда.

– Ты не рада? – Жбанский искренне удивился. Таким тоном этот вопрос задают мужья, вернувшиеся не вовремя из командировки и начинающие прозревать.

– А должна обрадоваться? – усмехнулась Женя. А что ей оставалось? Не изображать же нежную фею, стоя в разобранном виде. – И чего ты один? Даже странно. Я думала, для тебя норма – ходить в мою квартиру с девицами.

Надо было молчать. В таких случаях всегда лучше молчать, поскольку обиженное подсознание выворачивается наизнанку, словно старый карман, вываливая весь неприглядный, скопившийся там за долгое время, мусор. Позже понимаешь, что каждое второе, а то и каждое первое слово было

произнесено зря. Евгения все это осознавала, но остановить себя не могла. Прямо как прорванная водопроводная труба, из которой хлещет и хлещет. А аварийная служба в лице Муравской запаздывала.

– Женечка, ты в тот раз все неправильно поняла...

– А-а-а, я ж забыла! Ты у нас человек творческий! Сочинил версию и сейчас будешь меня обвешивать лапшой? Уши подставлять?

– Евгеша, не надо так!

– Не называй меня Евгешей! И убирайся вон из моего дома!

– Еще недавно ты называла его «нашим»...

– Я ошибалась! Кыш отсюда!

– Я не могу «кыш»! – оскорбился Эдик. – Ты забыла, что мне жить негде? Это не по-христиански.

– Чего-о-о? – взревела Женя, окончательно войдя в штопор. – Ты считаешь, меня это должно волновать?

– Ты раньше не была такой, – набычился Эдя и спрятал цветы за спину. Вероятно, передумал дарить. Он топтался в узкой прихожей, а букет маячил сзади, словно павлиний хвост. Судя по оттопыренной губе, кавалер обижался.

– Да, жить было проще – рога за косяки не задевали, – согласилась Евгения, злобно раздув ноздри. Она, конечно, была девушкой позитивной и неконфликтной, но не до такой степени, чтобы постелиться кому-то под ноги половой тряпкой.

– Ты все неправильно поняла!

– А что, было еще страшнее? Ты тут спал не с бабой, а с мужиком? И это его помада на моей посуде?

– Пошло! Перестань, тебе не идет!

– Эдя, мне рога не идут больше, чем все остальное. Они вообще мало кому идут. Лосей в расчет не берем. Давай сократим время твоего официального визита. Если ты пришел мириться, то напрасно. Аудиенция окончена.

– Я пришел объяснить.

– Такое ощущение, будто далее последует вызов на дуэль. Какие, однако, у нас манеры, – процедила Евгения, представляя, как молотит Эдика букетом по хребту. За все – за обманутые надежды, унижения, любимое голубое полотенце, которое пришлось выкинуть.

– Ты не должна так со мной разговаривать! Я действительно был неправ, когда дал ключи другу. Но я не знал, что он меня подведет! Раньше Витка такого никогда не делал!

– Раньше? – ахнула Женя. – То есть он у нас на абонементе был?

– Ну и что? Это же не я находился тут с женщиной! Почему ты не радуешься?

– Действительно, – пробормотала Женя. – Почему я не радуюсь? Какая-то я нынче странная. Не иначе – съела что-нибудь.

– Ты обвинила меня в измене, – напомнил Эдик тоном, который подразумевал необходимость извинений, приседа-

ний и, вероятно, сатисфакции.

– Особенно мне нравится, что друг Мишка трансформировался в Витьку. Или они тут на пару зажигали?

– А что Мишка? – не понял Эдик.

– В прошлый раз ты говорил, что дал ключи какому-то Мишке.

– Я ошибся! – бодро выпалил Жбанский, опасливо отступив к двери. Видимо, догадывался, что последствия подобной ошибки могут быть серьезными.

– Это я ошиблась, когда связалась с тобой, гад косоглазый! – взвизгнула Женя. Сейчас ей было плевать, какие именно воспоминания останутся о ней у бывшего ухажера. А в том, что он абсолютно, стопроцентно бывший, она не сомневалась.

– Почему косоглазый? – удивился Эдик, тревожно взглянув в зеркало. Своей внешностью он дорожил, холил ее и лелеял. И странный выпад Евгении напугал его больше, чем перспектива остаться без жилья.

– Потому что врешь много, а у врунов глаза всегда косят, – прошипела Женя и метнула в зазевавшегося визитера первым, что попало под руку. Только когда это «первое попавшееся» уже было в полете, она осознала, что все это время размахивала чайником, который перед приходом Аси решила оставить дома, а не тащить на море.

– Блин! – завопил Жбанский и присел, раскорячившись, как краб. Чайник, просвистев над его беззащитной макуш-

кой, с громким хрустом впечатался в дверь и осыпался, частично застряв в упаковке букета.

– Гад, еще и чайник мне испортил! – крикнула Женя.

– Я?

– Ты!

Конструктивный диалог прервал настойчивый звонок в дверь.

– Входите! – раздраженно воскликнул Эдуард, вытряхивая из букета ошметки пластмассы.

– Здоровеньки булы! – В прихожую, обалдело вращая глазами, ввинтилась Муравская. – А что у вас тут за грохот? Я думала, Евгеша чемодан утаптывает. Так и представила, как она на него сверху своим огромным весом плюхнулась, а он – бэмц! – и разлетелся «подетально». О, чайник, как я понимаю, уже не берем?

Ася весело поддела мыском сапога ручку вышеупомянутого агрегата и отбросила ее в сторону.

– Не берем, – вздохнула Женя, медленно пришедшая в себя. Температура кипения стремительно снижалась. И ей уже было стыдно, жаль чайник и вообще – гадко.

– Жбанского тоже не берем, – произнесла Муравская и поинтересовалась: – Ты чего тут опять? Какими судьбами?

– Ты нам помешала, – желчно оповестил ее Эдуард и нервно сглотнул.

– Ха, то есть вы тут еще собирались что-нибудь раскурочить? Думаю, чайника вполне достаточно. Надеюсь, его сло-

мали о твою светлую голову? – Ася сунула нос в цветы и брезгливо сморщилась: – Лилии. Ты даже не помнишь, что Женька не любит лилии. Они отвратительно пахнут. Или ты с помощью этого веника решил ее выкурить из квартиры?

– Ася, – проникновенно начал Жбанский, наступив на горло собственной гордости. – Ты не могла бы нас оставить? Нам нужно поговорить.

– Эдик, а не мог бы ты сам нас оставить? Нам с Евгешей надо собираться. У нас завтра самолет. Мы летим на планету голых, загорелых мачо.

– Куда?

– Куда надо, Жбанский! Возьми свой веник и исчезни!

– На море, – торопливо прояснила ситуацию Женя. Ей почему-то стало стыдно, что Эдик подумает... Да какая разница, что он подумает, если между ними все кончено! Или разница еще была?

Расставаться с мужчиной тяжело. Даже если это просто какой-нибудь эгоистичный чертополох или наглый репей, он все равно успевает прочно пустить корни в женском сердце, и выкорчевать эту ошибку природы оттуда не так-то просто. А после удачных сельхозработ в душе остается здоровенная брешь, которую требуется срочно заполнить. И самое страшное – ошибиться, поторопиться и присыпать зияющую пустоту не тем. Ведь тогда там может вырасти новый сорняк, который снова придется вырывать с корнем. Устройство личной жизни – тяжелый труд и наука. Как часто нам кажет-

ся, особенно с возрастом, что мы уже доктора и профессора этой самой науки, а нет! И несмотря на весь наш опыт и проницательность, и мы не застрахованы от ошибок.

– Так это отлично! – вдруг обрадовался Жбанский. Впрочем, причины своей радости он сформулировал, удивив подруг: – Ты соскучишься по мне, поймешь, что была неправа, и у нас все наладится. Только в разлуке люди начинают ценить друг друга. И лишь потеряв, учатся дорожить тем, что есть.

– Феноменально! – воскликнула Ася. – Эдя, и не надейся. Она туда не скучать едет. Нет, я всегда говорила: мужики – последнее звено пищевой цепочки! С ума сойти! «Ты поймешь, что была не права!» Я не удивлюсь, если он еще и извинений будет ждать.

– Да, буду. Потому что Женя умная девочка в отличие от некоторых. Она все обдумает спокойно, взвесит и...

– Ты некоторых не трогай, Жбанский! А то эти некоторые об тебя оставшуюся бытовую технику доломают. Я ей там ничего взвешивать и обдумывать не позволю. Девушки на море не для этого ездят, – заявила Ася, взяв с полки зонтик и сделав с ним выпад вперед.

Эдуард вжался в стену, но не сдался, твердо решив закончить спич и старательно игнорируя помеху в лице Муравской:

– А пока ты, Евгеша, будешь скучать, я подожду тебя здесь, в нашем гнездышке!

– Слушай, кукушонок! – крикнула Ася. – Если тебя сюда однажды по ошибке подкинули, то это не дает тебе права считать чужую квартиру своей! Тут не постоянный двор! Жень, хватит уже зеленеть на заднем плане! Доломай об этого самоуверенного пижона чайник, и займемся делом.

– Эдик, тебе лучше уйти, – послушно произнесла Женя.

– Куда я пойду-то, Жень?

– А откуда ты сейчас пришел? – заинтересовалась бдительная Ассоль.

– Из гостиницы.

– Ага, теперь это так называется. Ясно. Вот туда и возвращайся. Жень, скажи ему!

– Да, Эдик, уходи...

– Твоя подруга давит на тебя авторитетом. Это не ты говоришь, а она. Я по глазам вижу, что тебе хочется, чтобы я остался.

– Ну, это если только для того, чтобы тебя тут добить, – задумчиво промолвила Муравская. – Евгения, не зли меня! Ты же не хочешь, чтобы он оставался?

Судя по забегавшим Жениным глазкам, она пока не решила. Вернее, решила, но последний шаг – самый трудный. Лучше рвать резко и бесповоротно, как самоубийца, сигая из окна. Нельзя думать и медлить, потому что с каждым мгновением оправданий все прибавляется, и надежда вновь отрастает, как хвост у ящерицы. Хочется верить в то, что недавно казалось бредом и нелепицей. И поступать хочется

так, как никогда не посоветуешь близкому, глядя со стороны на его ситуацию. Но ведь у каждого ситуация своя. Объективно они все одинаковые, но когда бултыхаешься внутри, уходя на дно безнадеги и судорожно вырываясь на поверхность, чтобы в последний раз вдохнуть, то кажется – это только у меня так, по-особому!

Когда человек, еще вчера бывший твоей второй половиной, сегодня просто половинка от совершенно другого набора – смириться сложно. И вот чувствуешь себя неполноценной полутарелкой, и даже эту, уже, казалось бы, чужую половину отпустить страшно. А вдруг больше никакой не подвернется? Лучше криво-косо, из разных кусков, но хоть подобие целого. Никому не известно, что лучше – быть одинокой, гордой половиной или наступившей на гордость кривобокой тарелкой. К старости жизнь покажет, но... Как бы не вышло так, что истина к нам пришла, да опоздала. Время пройдет, и ничего нельзя будет изменить...

– Лебедева, очнись, – пошевелила Женю Муравская. – За путевки заплачено. Не пропадать же деньгам. Если хочешь, скучай там, думай, но только – там! Не порти мне отпуск. А Эдик твой пусть скучает и ждет извинений на нейтральной территории. А то вдруг мы там мужчину твоей мечты подцепим, привезем в дупло, а тут, как старый филин, Эдя твой ухает и крылья растопыривает? Это потом дольше объясняться. Правильно я говорю, Жбанский?

– Нет, – проскрипел Эдик.

– Вот. Раз возражает, значит, правильно, – повеселела Ася. – Послушай женщину и сделай наоборот, послушай мужчину и сделай назло. Кстати, Жека, вспомни свои выброшенные полотенца и вечер, убитый на мытье санузла после его бабы.

– Эдя, уходи. Пока уходи, – произнесла Женя. – Мне надо подумать.

– И не начинай свою шарманку про «негде жить»! – воскликнула Ассоль. – На то ты и мужчина, чтобы бороться с трудностями. И вообще, не факт, что в Женькино отсутствие ты не перепортишь остальные полотенца и белье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.